

Борис ЛОБКОВ

“Кто был ничем...”

(комедия)

Фрагменты сценария

Москва, 1998 год.

Многометровый рекламный щит «Самсунга», установленный на крыше десятиэтажного дома, стоящего на противоположной стороне улицы, своим утробным гудением и неоновой суетой не давал уснуть Николаю Сергеевичу Дееву, 60-летнему пенсионеру, бывшему центральному защитнику столичного «Локомотива». По его напряженно застывшей спине с цифрой «3» на старой выцветшей футболке было видно, что нервы у этого человека на пределе: второй час ночи, а заснуть невозможно.

Ни плотно закрытые балконные двери, ни шторы, ни толстое одеяло, приколотое гвоздями к оконной раме, ни попытки полностью укрыться с головой — ничто не спасало. Ядовитое свечение «Самсунга» беспрепятственно проникало в квартиру Деева и колотило ее бесконечным пульсирующим светом.

Остатки от этой южно-корейской пытки, высокий и все еще широкоплечий Деев выскочил на балкон, схватил увесистый цветочный горшок с окаменевшей землей, и что было силы запустил его в направлении ненавистного мучителя.

Тяжелый горшок, артиллерийский снаряд, пронесся между домами и врезался в нагло сверкавшего врага — отчего тот, выбросив во все стороны истерические снопы искр, к великому удивлению Деева в один миг прекратил свое мерзкое существование. С высоты своего балкона Деев победно оглянулся по сторонам.

И как звуковое выражение этой победы — гром оркестра (из мощного магнитофона) над разбивающимися алыми замками на коммунистическом митинге.

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...»

«Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!»

Только здесь Николай Деев, в своих стоптанных туфлях, в старом пиджаке, без полновинны зубов во рту, ощущает себя как прежде — человеком. Рядом с ним стоит с красным знаменем в руках Паша Сироткин, проработавший слесарем на ЗИЛе почти полвека, тоже совсем седой и беззубый. Одет поаккуратнее, потому что есть жена Зина. Все же легче, чем одинокому Дееву.

На трибуне в кузове грузовика среди вождей митинга седой оратор:

— Москву, в которой мы родились и выросли, в которой помнили каждый камень, теперь не узнают! Тут роют! Там перекрыто! Здесь котлован! Старые дома — в них бы людям жить и жить! — рушат. Те, что покрепче, надстраивают. Полгода — и невиданный домина под дорогой медной крышей. А за ним из второго ряда, из наших дворов наперегонки прут вверх новые бетонные монстры, остекленные мерзким, непроглядным стеклом. Мы требуем ответа: на чьи деньги все это строится? На чьи деньги и для кого?

В подтверждение слов оратора Деев повернулся к Сироткину:

— Паша, угадай: сколько у меня вчера запросили за ремонт телевизора?

— У тебя что, телевизор испортился?

— Какая-то лампа сгорела. Так сколько, Паша? Это угадать нельзя. Триста рублей. Почти моя пенсия. К тебе в гости попросишь.

— Конечно, приходи. Пивка купим, посидим.

Слова Сироткина перекрывает мощная медь оркестра и хор:

«Это есть наш последний
И решительный бой!»

К ногам Деева подкатывается футбольный мяч — на соседней с митингом площадке пацаны играют в футбол, и вот сейчас мяч оказался рядом с ногой Деева. Тот, чтобы вернуть его мальчишкам, ударил по мячу, и от этого удара у ботинка Деева отлетела подошва. «Е-мое. Только этого не хватало».

Деев и Сироткин сидели рядом в несущемся под землей метромоезде. Бывший футболист с тоской поглядывал на свой пострадавший ботинок: теперь подошва была прикреплена к ботинку проволокой.

Сироткин держал древко свернутого знамени в вертикальном положении, но оно все равно мешало молодому парню, который читал какой-то яркий журнал и периодически бесцеремонно отстранял от себя мешающее ему знамя.

Деев и Сироткин со знаменем вышли из

метро на «Белорусской» — рядом со своим домом. Какое-то время стояли на тротуаре, пропуская бесконечный поток транспорта. Наконец это им осточертело и они преградили своим знаменем, как пикой, путь очередному автомобилю. Он их чуть-чуть не сбил — этот длинный белый лимузин, но Деев с таким остервенением залепил ногой в разорванном ботинке по его наглому бамперу, что лимузин остановился, как вкопанный, и закачался, как перина. Мы не услышим, какими словами сопровождал Деев свой удар по «Линкольну», но по выражению лиц наших героев сытый хозяин лимузина сообразил, что лучше остановиться и пропустить этих двух мудаков с красным знаменем наперевес.

Перейдя улицу, Деев и Сироткин наскребли из карманов какие-то деньги, и Паша Сироткин тут же купил две бутылки жигулевского пива.

— И все? — разочарованно спросил Деев.

— Все.

— Е-мое... Три года назад на эти деньги можно было купить бутылку вина, полкило колбасы и батон белого хлеба.

— Так то три года назад. Слушай, Коля, ты бери это пиво и двигай ко мне. Через десять минут начинается твой футбол. Зине передай, что я пошел на вокзал искать «Приму».

— Давай я знамя захвачу.

— А оно мне не мешает, — и Сироткин побежал через площадь к ряду табачных киосков.

Привокзальная площадь у Белорусского вокзала как обычно кишела людьми и транспортом. Паша Сироткин миновал «испанский» угол с музыкальным киоском, из которого с раннего утра до глубокой ночи звучала испанская музыка. Он вошел в это испанское облако и направился, подгоняемый гитарами, к табачным киоскам. В глазах рябило от иностранных сигарет, курительных трубок, зажималок, надувных шариков и черт знает чего.

Наконец Сироткин обнаружил «Приму» и купил сразу две пачки. Тут же одну вскрыл, и в этот момент его окликнул мордастый «челнок» в спортивном костюме с эмблемой «Адидас» на куртке и штанах. Рядом с «челноком» на тротуаре стояли три громадные туго набитые дорожные сумки.

— Дед, найди для меня тачку до «Беляево» — заработаешь двадцатку.

С такой просьбой к Сироткину за всю его жизнь никто никогда не обращался.

— Так вот же — стоянка такси, — ответил он «челноку», увидев толпу пассажиров.

— В этой толпе я буду париться до утра.

Сироткин снова глянул в направлении стоянки. «Челнок» был прав: народу там было много.

— Ну, что ты думаешь? Смотри, сколько свободных машин вокруг сквера.

Действительно, вокруг сквера с памятником писателю Горькому стояло десятка три автомобилей.

— Достанешь машину быстро — получишь за скорость еще десять рублей.

Сироткину даже показалось, что он ослышался: ему предлагали тридцать рублей, чуть меньшей десятой части его пенсии за несколько минут работы.

— Батя, ей-богу, мне некогда. Поторопись!

Нет, это не походило на розыгрыш, и Сироткин направился к машинам у сквера.

— Бегом, бегом! — крикнул вслед ему «челнок», и Сироткин ускорил шаг.

Первый же участник, к которому он обратился, тотчас согласился ехать куда угодно. Как только «челнок» укатил со своими сумками, к Сироткину обратился с аналогичной просьбой другой пассажир. Потом третий. К четвертому Сироткин подошел уже сам. Домой Паша вернулся к самому финалу матча, оглушенный открытием: оказывается, за полтора часа рядом с домом можно заработать сто пятьдесят рублей.

На самой последней минуте матча «Локомотив» — «Бавария» наши ребята вцепились в штрафную площадку немцев и безостановочно атаковали их ворота до тех пор, пока мяч от оглушительно красивого удара — в падении через себя — не влетел в ворота баварцев.

— Ничья, которой не стыдно! — Деев повернулся к Зине и неожиданно увидел стоящего в проеме двери Папу Сироткина. На Пашином лице было какое-то глубинное потрясение. Это выражение резко контрастировало

со всем, что происходило сейчас с Деевым, команда которого не выиграла у немцев, но и не уронила своей чести.

— Паша, где ты пропадал? Тут такая игра была!

Сироткин не ответил, подошел к столу, налил себе полный стакан пива, выпил его залпом, ладонью вытер пивную пену с губ и только после этого опустился на стул.

— Сколько я отсутствовал? — спросил Сироткин каким-то не своим голосом.

— Весь матч.

— Это сколько по времени?

— Как обычно. Два тайма с перерывом, — не понял вопроса Деев.

— Я спрашиваю — сколько по времени?

— Сто минут.

— Всего сто минут? — удивился Сироткин и снова куда-то нырнул в свои соображения, повернувшись к окну, за которым светилась привокзальная площадь. Огни рекламы, вспыхивали стоп-сигналы бесконечной карусели автомобилей. Камера приблизит к нам этот яркий и динамичный привокзальный мир, который только что открыл для себя Паша Сироткин с новой, такой волнующей стороны.

Как вы уже поняли, Паша Сироткин твердо решил об этом никому — ни слова, но так как он был человеком мягким, хватило его всего на одну ночь.

Ранним утром у черного хода частного кафе урчал мусоровоз с открытым зевом. Деев только что вынес из кафе громадную пирамиду из картонных коробок с мусором и отходами пищевого производства. Все это опрокинул в зев мусоровоза, после чего водитель нажал кнопку на гидравлическом пульте, и стальная пластина утащила в мусорную кашу вынесенные Деевым коробки. Деев снова направился внутрь кафе. За его работой придирихался следил хозяин — человек в широких джинсах с подтяжками.

Нагруженный выше головы, Деев снова появился, подошел к мусоровозу, опрокинул внутри зева очередную порцию мусора. Конеч работе — отряхнул руки и посмотрел на хозяина, который уже отсчитывал деньги. Он отсчитал двадцать рублей: две десятки.

— Деньгами возьмешь или едой?

— А сколько?

— Двадцать рублей.

— За такое количество дерьма?

— Ты же работал полчаса, не больше, и я тебе за эти полчаса даю двадцатник. Тебе государство пенсию платит из расчета двадцать рублей в сутки. В сутках — двадцать четыре часа. Выходит, оно платит тебе пятьдесят копеек в час, а я тебе даю 20 рублей за полчаса.

Против такой логики слов у Деева не было. Он потоптался на месте, потом спросил:

— А можно я возьму половину, а на другую чего-нибудь съем?

— Ну, и чего ты хочешь съесть?

— Чего-нибудь.

Деев сидел в подсобке кафе. Только что повар поставил перед ним большую тарелку, на которой лежали три котлеты, гора макарон и несколько кусков хлеба.

— Жениться тебе надо, Коля — сказала из другого угла пожилая уборщица, следя за тем, как Деев ест. — На две пенсии жить еще можно, а на одну, — она махнула рукой.

Деев ничего ей не ответил. Ел и смотрел в окно, за которым вдруг появился Паша Сироткин, решительно поманил Деева рукой.

— Чего тебе?

— Выходи.

— Что-нибудь случилось?

— Выходи!

— Сейчас доем и выйду.

— Брось ты эти котлеты.

Деев вышел из подсобки с тарелкой.

— Давай-ка отойдем в сторону, — сказал Сироткин.

Они отошли. И будто в продолжение вчерашнего разговора Сироткин шепотом произнес:

— Оказывается, рядом с нашим домом за сто минут можно заработать триста рублей. Каждому — триста.

— При чем здесь сто минут? — не понял Деев.

— Сто минут — это два тайма и один перерыв.

Вот тут до Деева дошло, почему вчера Паша был такой странный.

— Триста рублей? Я не верю.

Сироткин достал из кармана и показал Дееву три сотни.

Это зрелище потрясло Деева.

— А я — могу?

— Я пришел за тобой. Понимаешь, я вчера всем этим был так ошарашен, что не мог даже говорить.

— А что надо делать?

— Ничего сложного.

— За сто минут — триста рублей? — снова засомневался Деев.

Сироткин кивнул.

— За минуту выходит... — Деев наморщил лоб.

— Три рубля — подсказал Сироткин так быстро, и Деев понял, что тот уже все заранее просчитал.

— А сколько минут в сутках? — спросил Деев.

— Полторы тысячи, ну, чуть меньше.

— А когда можно начать?

— Да хоть сейчас. Я за тобой для этого пришел.

Деев решительно шагнул к мусорному ящику и выбросил туда свою тарелку с недоженной едой.

Первый же день их совместного бизнеса принес им 400 рублей. Второй — 680. Третий день (они встали чуть свет к самому первому поезду) — дал тысячу! Такой успех они отметили не на тесной кухне у Деева, а за столиком автобуса-бара с голландским пивом и баварскими сосисками. Пятый день был чуть хуже, но все равно — удачным, а на шестой они крепко разругались. От упоминания финансового успеха у Деева просто поехала крыша, и забыв о том, что открыл эту золотую жилу, он стал понукать Сироткина, как своим адъютантом, и, что самое отвратительное, он уже не предлагал свои услуги вежливо, как это делал Сироткин, а приставал к людям, только что прибывшим в Москву, настырно, по-хамски навязчиво, отчего люди стали от беззубого наглого мужика просто шарахаться. Кончилось тем, что один из них, многодетный и нервный армянский человек, напуганный до смерти слухами о криминальной ситуации в Москве, выхватил газовый пистолет и уложил на асфальт сначала Деева, затем поспешившего к нему на помощь Сироткина, а потом уже и постового милиционера, прибежавшего на шум.

На очередном коммунистическом митинге Деев и Сироткин стояли не рядом, как прежде, а в разных концах площади. Оба мрачные, ораторов не слушали, думали о другом: как все замечательно началось и как все по-дурному обернулось. И еще о том, что пока они тут поют «Интернационал», на Белорусский прибыло восемь поездов, в каждом из которых по шестнадцать вагонов. Если из каждого вагона взять только по одному пассажиру и усадить в автомобиль, уже получается... Е-мое, как же все замечательно началось, и как все безобразно повернулось.

По дороге домой в метро Деев подсел к Паше Сироткину и искренне повинулся за все, что произошло между ними из-за его футбольного темперамента. Слово за слово — помирились, а затем Деев предложил взять бутылку и зайти в гости к Феде Тараскину, к тому самому мужику, который вытаскивал их из милиции после «газовой атаки» нервного армянского человека. Тараскин — военный пенсионер, двадцать лет руководил военным оркестром в разных округах от Бреста до Тихого океана, потом преподавал на факультете военных дирижеров в Московской консерватории, откуда в звании подполковника вышел на пенсию. Тараскин — человек со связями, башковитый. Такой в их деле не помешает. Живет один в четырехкомнатной квартире. До этого жил в другом районе Москвы, но после гибели всей своей семьи: жены, сына, невестки и внука, выменял свою прежнюю квартиру на нынешнюю. Деев как-то заходил к Тараскину, видел на стене фотографию жены Федора, его сына, невестки и внука в черной траурной раме. На вопрос: «Как это случилось?» Тараскин немногословно: «Погибли и все». И ни слова больше из него не выделялось.

Потом Деев и Сироткин узнают, что се-

Экран и сцена —

мья Федора жива-здоровая; уехали пять лет назад в гости в Америку и не вернулись. И сейчас в бесконечных письмах умоляют Федора ехать к ним, но Тараскин никуда не собирается, ни на какие телефонные звонки из Америки не отвечает. Все письма разрывает в клочья. Посылки со шмотками распечатывает, но куртки, клетчатые пиджаки, джинсы, кроссовки и коскетки, естественно, не носит. Но обо всем этом Сироткин и Деев узнают в самом конце этой истории. А пока есть одинокий суровый человек в громадной, пустой квартире, который помог Коле Дееву и Паше Сироткину выпутаться из неприятной истории.

Федор Тараскин внимательно выслушал предложение Деева и Сироткина войти в их бизнес на равных правах. И после короткого раздумья согласился, но при категорическом выполнении двух его условий. Первое: Деев и Сироткин должны немедленно вставить себе зубы. Второе: всю свою одежду сдать в химчистку. Те вещи, которые невозможно привести в приличный вид, следует немедленно отнести на помойку. А так как на помойку следовало отнести почти все, чем владели два компаньона, Тараскин открыл свой гардероб и выдал им то, что у него скопилось из американских посылок. Только когда перед глазами старого Тараскина появились зубастые, гладко выбритые Деев и Сироткин в новой одежде, Тараскин начал с ними обстоятельный разговор.

Засидевшийся дома без какого-либо занятия, Федор Тараскин, как молодой вулкан, выбрасывал из своих недр одну идею за другой, отчего вся предыдущая деятельность двух отцов-основателей «фирмы» стала выглядеть провинциальной самодеятельностью. Например, Тараскин считал, что бессистемная беготня по привокзальной площади в поисках машин — занятие несерьезное и даже в какой-то степени глупое. Сегодня ты нашел машину быстро, а завтра — нет. Сегодня отловленный тобой частник хочет ехать на край Москвы, а завтра не хочет. Поэтому проще всего договориться с владельцами частных машин накануне и таким образом иметь ежедневно гарантированный парк в двадцать автомобилей. Где достать эти двадцать автомобилей? Проблем с автомобилями нет. Вокруг полно людей с машинами, которые мечтают о каком-нибудь заработке. Например, только в соседнем доме три безработных артиста, два писателя и один ученый-физик. У этой компании есть друзья в таком же кошмарном финансовом положении. У этих друзей есть приятели. И Тараскин развернул перед Деевым и Сироткиным грандиозный план по созданию мощной транспортной компании, в которой нашлось место большому количеству людей: владельцам машин, вокзальным носильщикам, мальчишкам, которые моют автомобили, милиции. В новой фирме Дееву и Сироткину уже не надо будет носиться по привокзальной площади. Теперь им отводилась роль диспетчеров.

Однажды в новой транспортной компании появился Евгений Котельников, уволенный в запас после войны в Чечне 32-летний вертолетчик. Его привел давний товарищ Тараскина — бывший конференсье Ефим Симаров. Котельников в свою очередь привел несколько человек со своими машинами. Это он, Жена Котельников, первым обратил внимание на самое слабое звено в деятельности компании: как найти среди множества людей на привокзальной площади нужного пассажира?

Решение проблемы пришло неожиданно. Автором ее стал Деев. Он предложил прием с желтой карточкой — с точно такой, какими футбольные судьи пользуются во время игры. Суть предложения Деева была в следующем: нашедший пассажира сотрудник поднимает высоко в руке желтую карточку, которую хорошо видно с любой точки привокзальной площади.

После этого число пассажиров, которых начала обслуживать новая транспортная компания, резко пошло вверх. Резко пошли вверх и заработки, несмотря на то, что значительная часть уходила на техническое обслуживание автомобилей и бензин.

Началась жизнь, к которой Зина никак не могла привыкнуть.

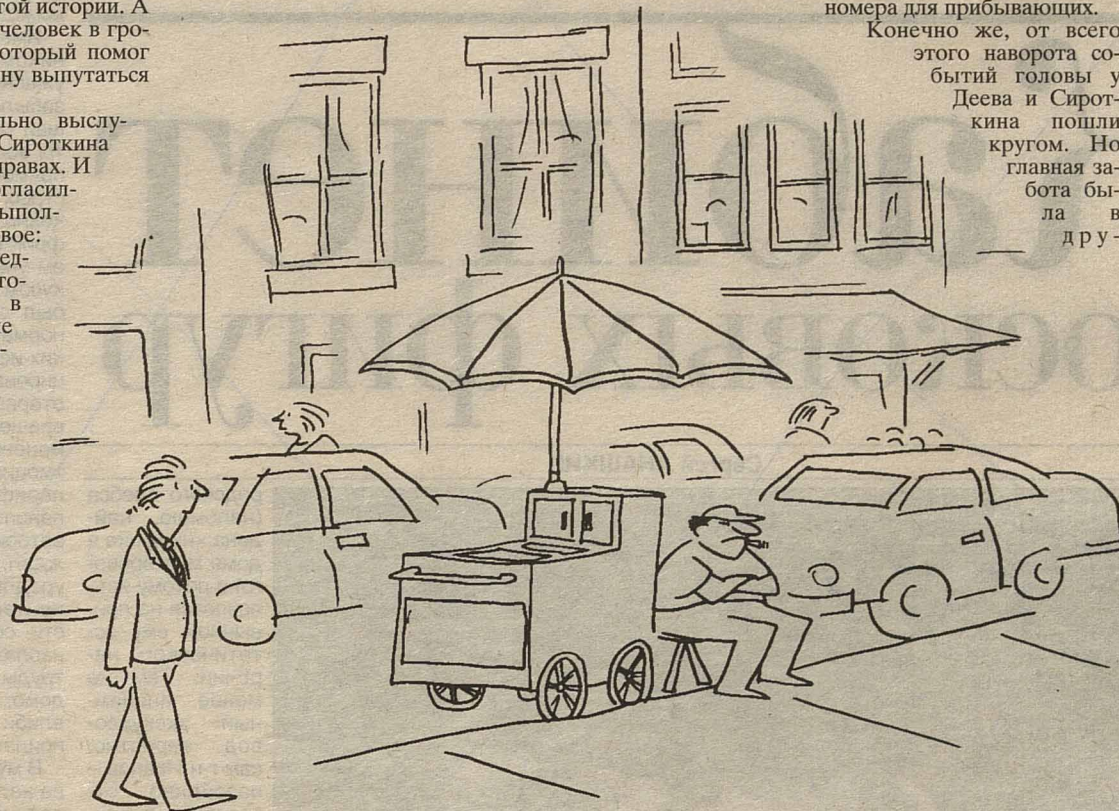
Паша Сироткин, осознавая серьезность момента, выкладывал из всех своих карманов пачки денег.

Зина сидела, не двигаясь.

Паша достал последнюю пачку, добавил к тем, что уже лежали на столе, похлопал

себя ладонями по всему телу — не задержалась ли где какая-нибудь пачка, не нашел и улыбнулся жене:

- Все.
- Мне страшно, Паша.
- Я что, их украл?
- Так много? Прощу тебя, пойд и верни все эти деньги.
- Кому вернуть?! Почему?! Это я зарабо-

тал. В доме должно быть весело, — повысил голос Сироткин.

— Должно быть, — Зина попыталась улыбнуться, но из этого ничего, кроме гримасы, не получилось.

— Зин, перестань. Лучше скажи, где нам такие деньги хранить? Может, нам сейф купить? Есть такие небольшие домашние сейфы. Коля Деев только что купил такой.

— Сейф? А если люди увидят?

— Скатертью прикроем, а сверху телевизор поставим.

Зина задумалась.

— А может, будем держать деньги у Деева?

— Не хочешь в сейфе, давай держать в банке.

— В банке с риском?

— С горохом!

— А какая разница? — спросила Зина у мужа.

Он засмеялся.

— Я имел в виду настоящий банк. Понимаешь, настоящий, — и он показал руками, о каком банке идет речь. — Будем ходить — брать деньги, когда надо.

— Я в банк не войду, — решительно заявила Зина. — Даже не уговаривай! Люди увидят, что скажут?

Этот довод показался Сироткину серьезным.

— А где держать такие деньги?

— Давай сразу все купим, что хотели купить.

— Например?

— Стиральную машину.

— Дальше.

— Кровать новую. У нас матрац совсем худой стал.

— Дальше.

— Что дальше?

— Купим, что еще нам надо?

— Что еще?

— Ну, можно уют купить.

— Дальше.

— Я больше не знаю, что нам надо.

— А новые деньги придут? Что с ними делать?

— Паша, перестань меня пугать, — и Зина снова заплакала.

— Ну перестань, Зинуль, перестань. Я что-нибудь придумаю.

Он повернул к себе ее лицо:

— Успокойся.

Она на время затихла, потом сказала:

— Паш, давай закажем в храме молитву.

— Молитву? Какую молитву?

— Есть такая молитва «на начало доброго дела». Понимаешь, чтобы все хорошо шло.

Паша подумал:

— Давай.

Мозг Тараскина фонтанировал, головы Деева и Сироткина тоже проснулись. У всех троих идеи рождались беспрестанно. Это новое для них состояние пьянило, удесятерило силы, будоражило до такой степени, что однажды ночью тихому Сироткину пришла су-

масшедшая идея переоборудовать 4-комнатную квартиру Тараскина. Сделать из нее шесть небольших комнат и таким образом устроить недорогой привокзальный отель. Через некоторое время слух о новом отеле в центре Москвы распространился по всей нашей необъятной стране, и теперь телефон в «отеле» Тараскина не умолкал ни днем, ни ночью. Зине купили амбарную книгу, в которой она бронировала номера для прибывающих.

Конечно же, от всего этого наворота собитый головы у Деева и Сироткина пошли кругом. Но главная работа была в дру-

час нечто большее, чем просто представление игроков возникло на этом поле.

Три раза динамовские нападающие оказывались в штрафной площадке «Локомотива», и каждый раз Коля Деев успевал к мячу и пушечным ударом отправлял мяч все дальше и дальше от своих ворот — через все поле.

Маша не спускала с Деева глаз.

Самый последний мяч от удара Деева долетел до вратаря «Динамо», и несмотря на то, что гола не было, трибуны восторженно взвыли.

Вечером Маша и Деев сидели в плавучем китайском ресторане. Здесь было тихо и уютно. Посетителей почти не было.

— Николай Сергеевич, женитесь на мне, — вдруг сказала Маша.

Это было так неожиданно, что Деев растерялся.

— Я ведь ничего о тебе не знаю, — сказал он.

— А я вам сейчас расскажу, — она как-то виновато улыбнулась ему, потому что вдруг ощутила неловкость своего предложения и, чтобы как-то заглушить его, начала, не таясь, рассказывать Дееву о своей короткой и совсем несвоей жизни.

— Я не москвичка, приехала издалека. Из нищего поселка на Дальнем Востоке. Там сейчас живет моя бедная мама. Два года назад я приехала в Москву...

Деев почувствовал, что разговор с этой девчонкой уходит куда-то в сторону, совсем не ту, о которой грезились ему с той первой встречи.

— Почему ты ничего не ешь? — спросил Деев.

— Спасибо. Я хочу сначала вам все рассказать. Когда я впервые увидела вас — не знаю почему, я поняла, что к вам можно обратиться за помощью. Николай Сергеевич, женитесь на мне, пожалуйста. Не по-настоящему, а, как говорят, фиктивно. Только тогда я смогу устроиться здесь на работу. Если вы на это согласитесь, то я до самого вашего последнего дня буду ухаживать за вами, как самый близкий для вас человек. Я знаю — вы совсем одинокий.

Такого горького поворота Деев не ожидал. Он посмотрел ей прямо в глаза, и она не отвела своих глаз от его взгляда. Похоже, что она была с ним абсолютно правдива.

Мимо неславно проплыла длинная самотканная баржа. На просторной палубе девчонка лет десяти-одиннадцати бегала с рыжим сеттером, и Деев не мог отвести глаз от этого счастья. От чужого счастья.

Привокзальная площадь. Только что прибыл пассажирский поезд. Деев поднял руку с желтой карточкой, но ему никто не ответил миганием фар. Он поднял руку еще раз — тот же эффект.

Рядом с Деевым уже были пассажиры с вещами, а машин фирмы у сквера не было. Такое было впервые.

— Подождите, пожалуйста, я сейчас вернусь к вам с машиной.

Деев побежал через площадь к ограде сквера, у которой должны были стоять машины фирмы, но их там не было. Какие-то неизвестные Дееву люди в оранжевых куртках ограждали полосатой красно-белой лентой площадку, на которой обычно находились машины фирмы. Деев растерянно оглянулся по сторонам, увидел подъехавший к нему автомобиль, из которого выбрались Тараскин с Сироткиным.

— Поехали, Коля, — сказал Тараскин.

— Что произошло? — спросил Деев, когда машина двинулась.

В ответ на это Тараскин достал из бокового кармана агитационный плакат с портретом знакомого человека. Паша сразу узнал вертолетчика, который работал в их фирме.

— Это Котельников.

Тараскин кивнул.

— Это агитационный плакат кандидата в московскую думу, — сказал Тараскин. — Котельников собирается стать депутатом. Я только что был на его предвыборной встрече с избирателями.

— Я ничего не понимаю, — сказал Деев. — Ну, он собирается стать депутатом, а мы при чем?

— При том, что этот парень организовал большую транспортную фирму, — сказал Сироткин.

— Такую, как у нас?

— Точно такую.

— Украл идею.

— Украл.

(Окончание на стр.15)

(Окончание. Начало на стр. 8-9)

Они подъехали к Городской Думе. Тараскин, Деев и Сироткин выбрались из машины.

Почти одновременно с ними к Думе подъехала черная «Ауди», из которого вышел Евгений Котельников. Сейчас он был не в своем обычном камуфляже, а в модном плаще. Три молодых рослых человека сопровождали его. Тараскин преградил бывшему вертолетчику дорогу.

— У тебя совесть есть?

К Тараскину решительно направилась охрана Котельникова, но тот жестом их остановил.

— Федор Петрович, во-первых, здравствуйте. А во-вторых, что касается совести. Я дал городу триста пятьдесят рабочих мест. И собираюсь довести это количество через год до тысячи, — и он добавил. — Неужели вы и впрямь думаете, что я злодей?

И все трое — Тараскин, Деев и Сироткин не нашли, что ответить ему.

— На работу возьмешь? — спросил Деев.

— Не могу, — он развел руками. — Мы принимаем на работу только молодых людей. До тридцати пяти. Не могу. Честное слово, такой устав.

И Котельников направился к ступеням Думы.

Три седых человека остались на тротуаре.

«Жигуль», на котором они сюда приехали, остановился, где-то за углом, и они пошли его искать. К одной из кроссовок Паши Сироткина приклеился метровый красно-белый кусок ленты, и Паша тянул его с собой, не замечая этого. Были дни, когда он тяготился своим бизнесом, считал, что ничего особенного они не делают, просто научился из помойки жизни выгребать свою долю. А вот пропало их дело, и стало ему нестерпимо жаль оттого, что сейчас у них увели общее дело, которое держало их в этой жизни! И дело тут не только в деньгах. Не только. Их бизнес, это открытое ими дело подарило ему столько новостей о самом себе. Если бы не этот бизнес, ни он, ни Коля никогда бы не узнали, на что они способны.

Деев открыл свою дверь, вошел в свою комнату — и не узнал ее. Все блистало чистотой: полы, мебель, окна. Маша накрывала праздничный стол. Деев видел, что делала она это с превеликим старанием: сама все приготовила, нарезала, уложила на тарелки и блюда. Ее ловкие руки все проделывали так умело и так замечательно.

“Кто был ничем...”

— Дядя Коля, давай пригласим ваших друзей?

— Нет, не надо.

— У меня еды много. Хватило бы всем гостям.

— В другой раз.

— Тогда открывайте шампанское.

Она ушла в другую комнату, и пока Деев открывал бутылку шампанского, Маша переоделась, сняла ресницы и отклеила длинные ногти.

Она вернулась к Дееву — высокая, тоненькая, совсем девочка.

Они сели к столу.

Мы не услышим, о чем они говорят. Просто понаблюдаем за тем, как спокойна и весела Маша и как напряжен Деев. Он старался быть беспечным, с готовностью смеялся над тем, что она рассказывала, но в глазах у Деева была горечь. Как этой девочке удалось так просто и так легко установить между ним и собой такие простые отношения? И такую дистанцию.

После ужина Маша убрала со стола, перемыла всю посуду, все расставила по своим местам.

И потом долго стояла под теплыми струями душа — так стоят под очистительным тропическим ливнем, который может смыть все беды, и все неудачи.

Маша прикрыла за собой дверь своей комнаты, расстелила свою кровать, разделась и легла. Она была счастлива оттого, что у нее есть эта комната, ее чистая постель. Она выключила свет и включила плеер, в наушниках возник голос Розенбаума. Она любила этот певца, его голос, его гитару, его стихи. Она не заметила, когда Деев вошел в ее комнату и встал с ней рядом. Увидев его, она тут же сняла наушники, в глазах ее появился страх.

— Маша, я ведь не такой старый. Давай по-настоящему.

— Дядя Коля, но мы же договорились!

— Знаешь, мне никто никогда так не нравился.

В глазах у Маши появились слезы, она натянула одеяло до подбородка:

— Мы же договорились, дядя Коля.

Но Деев, казалось, совсем потерял голову. Он был неумолим.

— Выслушай меня.

— Нет, — сказала Маша. — Мы же договорились. Если вы меня не отпустите, я сейчас уйду.

Он схватил ее за руку, вернул в постель, попытался поцеловать, а она уворачивалась от него, от этого ненужного ей поцелуя. А потом она заплакала, отвернулась к стене, чтобы не видеть обезумевшего лица Деева.

Он прикоснулся рукой к ее обнаженной груди и... ..угодил в больницу с обширным инфарктом.

Потрясенный случившимся, Тараскин с горечью сказал:

— Жить стало веселее, но пространства для этой жизни у нас с тобой, Паша, впереди нет.

Сидели за столом долго, до самой темноты. Горь-

кие слова, от которых не отмахнуться шуткой. Зазвонил телефон. Зина подняла трубку. Ей что-то ответили, после чего она повернула свои изумленные глаза к Федору Тараскину и переспросила:

— Кто говорит? Сын? Чей сын? Тараскина?! — и в полном недоумении протянула трубку окаменевшему Федору.

У Тараскина, у железного Федора, когда он брал протянутую ему Зиной трубку, вдруг задрожала рука.

— Ты где? — спросил Тараскин.

— Я рядом, папа.

И через несколько минут все стали свидетелями того, как Федор Тараскин обнял своего сына.

Ранним утром зазвонил будильник. Рука Федора нажала кнопку будильника, истерический звук тут же пропал, но Тараскин давно не спал. Он уже полностью был готов к походу в посольство. Сидел за столом. Тщательно выбритый, в белой сорочке, в галстуке и темном костюме. Еще некоторое время Тараскин сидел неподвижно. Так сидят люди перед дальней дорогой, а он и впрямь собирался в дальний путь.

В пустом троллейбусе катил Федор Тараскин по Садовому кольцу. На остановке у домика Шаляпина Тараскин вышел из троллейбуса, издали увидел народ, толпящийся у здания американского посольства. За спиной Тараскина закрылись железные двери, и троллейбус ушел. Все, надо идти вперед.

Тараскин стоял в плотной очереди. Его седая голова возвышалась над головами других людей. Очередь нервничала, напирала, металлические ограничения качались и сдвигались с места. Американских полисменов это раздражало, и они пытались этот натиск остановить: возвращали элементы ограждения на прежние места, но натиск очереди продолжался. И тогда один из полисменов на плохом русском языке произнес через мегафон:

— Атеншен! Внимание! Если вы сейчас не прекратите давление, двери посольства для вас будут за-

крыты навсегда. Пожалуйста, отойдите от ограждения.

Это предупреждение не помогло. Очередь ни на шаг не отступила. И тогда полисмен куском мела прочертил на асфальте белую черту и произнес через мегафон:

— Прошу всех повторять за мной: «Я никогда без разрешения не переступлю эту черту», — при этом лицо полисмена как-то нехорошо затвердело.

— Очередь поняла, что дело принимает ненужный ей оборот и нестройно повторила слова, произнесенные полисменом.

— Я никогда без разрешения не переступлю эту черту.

— Не слышу, еще раз!

— Очередь еще повторила слова полисмена.

И лишь один Тараскин стоял молча.

— Пожалуйста, громче!

— Пожалуйста, громче!

И когда люди из очереди третий раз начали произносить хором: «Я никогда без разрешения...», Федор Тараскин раздвинул локтями людей и зашагал прочь от этого места.

Он уже давно видел на противоположной стороне улицы Колю, Пашу и Зину. И, подойдя к ним, сказал:

— Пошли домой, ребята.

У дома их ждал автомобиль Котельникова. При виде этого человека все четверо остановились в напряжении. Бывший вертолетчик сам пошел им навстречу:

— Я придумал, — начал Котельников. — Я придумал для вас работу.

— А что делать? — спросил Тараскин.

— Сидеть и придумывать. Сидеть и придумывать, а я буду все это осуществлять. Идет?

И завершающее соображение:

Автор надеется, что предлагаемый сценарий даст возможность снять смешной и грустный фильм о людях, которые в конце своей жизни попали в капитализм и попытались в нем выжить. Конечно же, они не смогли изменить себя, потому что в новой жизни нужны новые люди. Совсем другие. Так грубо устроена жизнь. Но если к финалу задуманного фильма возникнет пронзительное ощущение потери оттого, что в грядущей жизни уже никогда не появятся такие смешные и наивные старики, цель, которую автор поставил перед собой, будет достигнута.

Экран и сцена - 1999 - №6 (~3) -